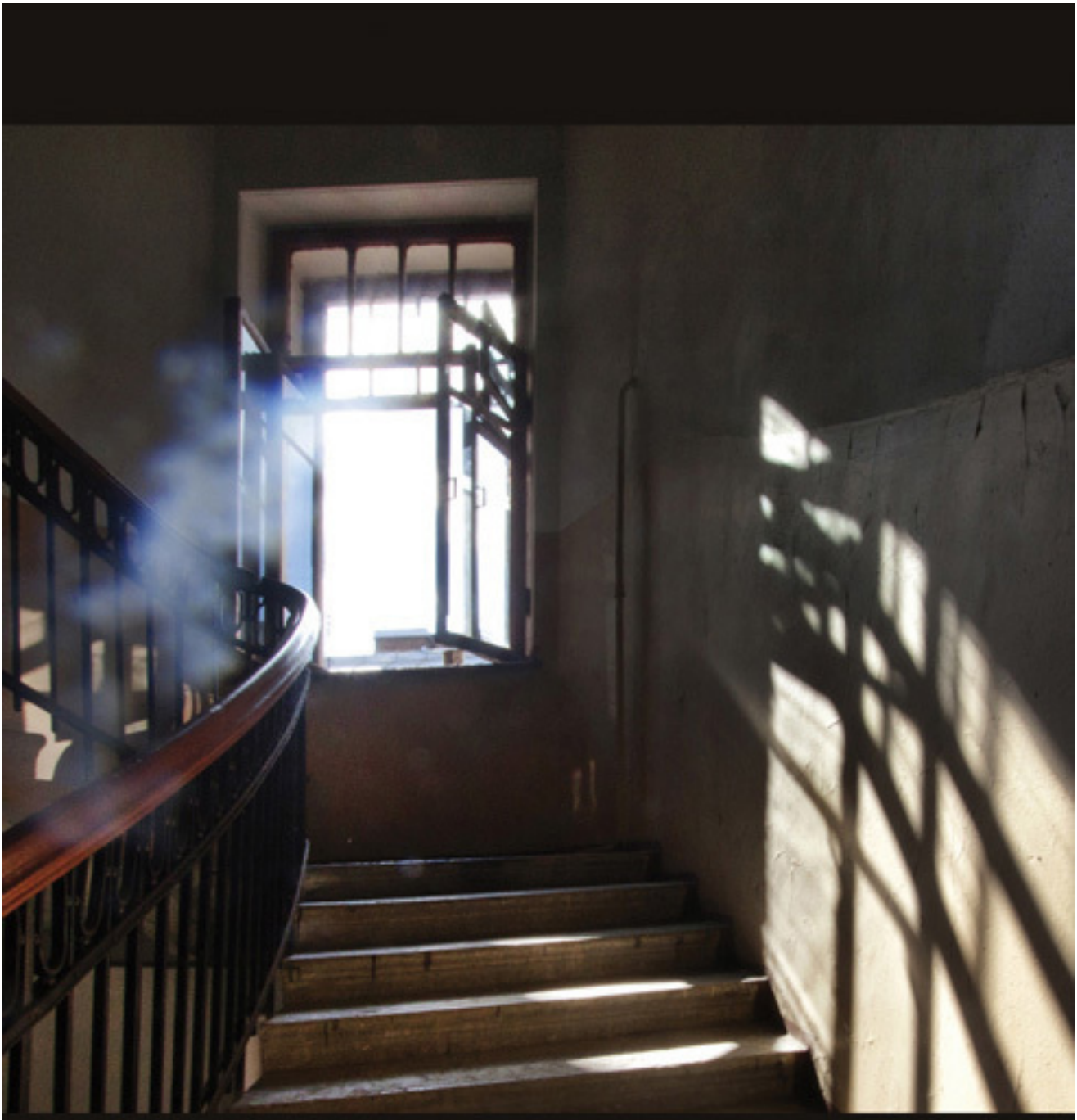

ТАТЬЯНА ВОЛЬТСКАЯ

избранное

Татьяна Вольтская

Избранное

«Геликон Плюс»
2015

УДК 84.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

Вольтская Т.

Избранное / Т. Вольтская — «Геликон Плюс», 2015

Избранное – это книга стихов, охватывающая творчество Татьяны Вольтской с 1992 до 2015 года. Сюда входят стихи из пяти книг – «Стрела», «Тень», «Цикада», «Письмо Татьяны» и «Из варяг в греки», а также стихи последних лет, не вошедшие в сборники, часть из них увидела свет в литературных журналах.

УДК 84.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

© Вольтская Т., 2015
© Геликон Плюс, 2015

Содержание

Стрела 7
Весна 7
Любимый – это древний бог 8
«Я хочу с тобой в город с названием кратким, как жизнь…» 9
Спящий 10
«Бог – это первый снег. Он – лист, комар…» 12
Танцующий ветер 13
Маятник 14
«Дети племени Симова…» 15
«В вечернем воздухе наклонные поля…» 16
Стрела 17
«Сколько имен я тебе нарекаю, мой дальний…» 21
Пион 22
«Чем беспощадней мускулистый австр…» 23
Вот уже август… 24
«Боже, за что ты дал мне (на час? на миг?)…» 25
«Сердце твое – омываемый древнею кровью…» 26
«Останется жить только то, что прошло через смерть…» 27
Свеча 28
«Ветер, срывая железо, кроша кирпич…» 29
«Ты не мой, и не свой, и ничей…» 30
«Женщина есть пустота, заполняемая дыханьем…» 31
«Трава забвения – ярчайшая из трав…» 32
Письма 33
«Механическая речка…» 38
Дождь 39
«В тростнике голосовых…» 40
«Где наша родина, узнать нам не дано…» 41
«В луже треснула звезда…» 42
Тень 43
«Как много смерти прячется в траве…» 43
«Я тебя потеряла, не обретя…» 44
«Пока сухие стебли улиц…» 45
«Я хочу в Венецию – как лицом в траву…» 46
«Серый камень спит, коростель скрипит…» 47
Прилив 48
«Мне двойное судьба изготовила лезвие…» 49
Капли от унынья 50
Искушение 57
«Тихо, как облако, ходит печаль и не старится…» 58
«Крестовидные соцветья…» 59
Вечер 60
Белая ночь 61
«От заката к восходу, с запада на восток…» 62
«Когда б мы ездили на лошадях…» 63
Пустырник 65

Пейзаж с новом и ромашкой 66
«Лето уходит – седого тумана струя…» 69
«Лужа стала звездой. Набухает бутон зимы…» 70
«Человек, уходящий от человека…» 71
«От инея опухли ветви…» 72
«Слезы вспять не текут. Не отдам…» 73
«Мальчик мой в рубашке голубой…» 74
Тень 75
«Между Рождественской звездою…» 79
«С теченьем времени в зиме…» 80
Сон 81
Две зимние элегии 82
«Фасад в зеленой паутине…» 84
«Все то, что можно выпить и потрогать…» 85
«Когда-нибудь я подсмотрю твой сон…» 86
«Ты, отворивший мне речь, как отворяют кровь…» 87
«Мне холодно, мой друг. Весна глядит зимой…» 88
«Медленно льются из горл закопченных дымы…» 89
«Вздрогнет ли сотней рук куст или белый донник…» 90
«Неужели я встречу тот город, чье имя – судьба…» 91
«Это Бог, податель наготы…» 92
Из цикла «Песочные часы» 93
Ива 96
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Татьяна Вольтская
Избранное

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

© Вольтская Т., текст, 2015
© «Геликон Плюс», макет, 2015

Стрела

Весна

Чугунный грач с сиреневым отливом
Обходит вечер шагом кропотливым,
Блестит заколкой в фетровой траве
И шар серебряный несет на голове,
Где плавают изогнутые стены
И червячки засушенных растений,
Автобус трескается, точно яйцо,
Цветные волны бороздят лицо,
Ложатся на бок летаргические церкви,
И облака нависший эркер
Вот-вот обвалится.
На дне
Непрочной сферы, словно луч в вине, —
Крутящиеся тающие льдинки;
А в центре, не дробясь на дольки, половинки,
Из воска слепленные, ветра и стекла
Горят любовников прозрачные тела.

Любимый – это древний бог

Любимый – это древний бог,
Которому несут начатки
Колосьев и плодов; у ног
Его дымится пепел сладкий.

Любимый темен и незрим,
А образ грубо размалеван,
Но тот, кто прячется за ним,
Не выдает себя ни словом.

И не достичь его ушей,
Закрытых век, коленей острых
Всему, что взращено в душе,
Под черным солнцем в рощах пестрых.

В тяжелом золоте костров
И в складках жертвенного дыма,
Не принимающий даров,
О нет, не человек Любимый.

Не тот, кого мы ждем, кому
Мы подвигаем чай в стакане,
Чье тело разбавляет тьму,
На ком, как бы на истукане,

Возможно различить черты
Лица, прийти в расцветший рядом
Сад судорожной наготы,
Знакомый с временем и градом, —

Не человек, не зимний сад,
А сторож сада – нет, не сторож, —
Его не позовешь назад,
Не поцелуешь, не повздоришь, —

Любимый – это божество,
Что за спиной у человека
Взывает именем его,
Стуча в стекло без слов, как ветка.

Не подкупить, не побороть
Окажется желанным самым —
А чтобы сквозь живую плоть
Бог тихо посмотрел в глаза нам.

«Я хочу с тобой в город с названием кратким, как жизнь…»

Я хочу с тобой в город с названием кратким, как жизнь,
Где орлиное солнце в цветущих колоннах кружит,
На молочных холмах – непросохшие капли, внизу
Из набухших фонтанов жара выжимает слезу,
А в соборах-дубах между окаменелых ветвей
Свили ангелы гнезда в тугой золоченой листве,
Где живей винограда, прозрачен и теплолюбив,
Наливается мрамор, пространство собою обвив.
Я хочу с тобой в город, насытивший мир молоком
Иссякающей речи, – где влажное эхо кругом,
Где арена пуста, но в тенях полосатых, – как тигр,
Под мостами мурлыкает желтый лоснящийся Тибр,
Где оплывших ступеней не скроет ни лед, ни сугроб.
Мы придем с тобой в город – в венке его мирт и укроп, —
Он на раненых нас поглядит из-под медленных век.
Вниз укажет отставленным пальцем.
А может быть, вверх.

Спящий

1

Торс обнаженный, стекающий блик
С ребер; заброшен за голову локоть:
Древний источник, священный родник —
Страшно взглянуть. Невозможно потрогать.

Горизонтальное, точно ручей,
Тело, каскад простыни на изгибе
Твердых колен в перекрестье лучей.
Взглянешь – озноб. А пригубишь – погибель.

Спящий: вернувшийся вновь в берега,
Словно забывший недавнюю бурю,
Стоны и всплески; по лбу облака
Тихо проходят, и в зеркале бурый

Вечер клубится. Пригубишь – опять
Жажда зажжется. Вот так, обмирая,
Прячась в ветвях, приходили гадать,
Темным ответам пугаясь у края

Темной воды. Повинуясь лучу,
Профиль закинутый светится нежно,
Гаснет бедро. Прижимаюсь к плечу
Вымокшей насквозь травою прибрежной.

2

Вдруг занимается сон —
Бризом, чистейшим из таинств.
Так отплывает Язон,
Парусом в точку истаяв.

Кровь – солонее морей,
Чьи не начерчены карты.
Тих за рукою моей
Профиль – волною покатой:

Спишь. Не уплыть за тобой
Вслед заходящему солнцу.

Дробный колышет прибой
Влажную грудь, не коснется

Сомкнутых век или губ.
Каверзно море густое.
Как и тогда, стерегут
Нынче руно золотое.

Не отличить корабля
От моря, бездны – от белой
Отмели; вкось – без руля,
Вдоль опустевшего тела,

В страхе зажмурясь, рекой,
К устью пришедшей, без звука,
Слепо впадаю рукой
Сонной – в раскрытую руку.

«Бог – это первый снег. Он – лист, комар…»

Бог – это первый снег. Он – лист, комар.
Он – жгучий Бенедикт, Он – скользкий Абеляр.
Он – пестрый камень в озере на дне.
Он – пар над молоком. Он прячется во мне.
Но не в ушах же, ловящих соблазн,
Не в глубине впитавших скверну глаз,
Не в черепа глухом и твердом гробе,
Не в скачущем птенце – в гнезде из ребер —
«Любви! Любви!» – кричащем.
Не в крови
Ныряет Он и плещется: «Лови!»
Он для меня – во мне – неуловим.
Наверное, под силу лишь двоим
Накрыть Его, как журавля, волшебной
И тонкой сетью недомолвок и движений.
Тогда Он здесь – не то чтобы везде —
Но в пальцев кончиках и в кончиках грудей,
Которыми едва тебя касаюсь,
Когда стою на цыпочках, босая!
Поскольку этот миг так обожжен и чист,
Как глиняный кувшин, как узкий вербный лист,
В нем дышит Бог, Он – холод меж лопаток,
Блик на плече и слова отпечаток
Несказанного – на сухих губах:
След ангела. След солнца на камнях.

Танцующий ветер

Нарумяненных солнцем стволов и морщинистых веток
Торжество ритуальное: ветер, как вызванный предок,
Извиваясь, ныряет меж облаком, тенью и светом.
То сосну пошатнет, то невидимым звякнет браслетом.
И прозрачных одежд его кружатся долгие полы,
Загрубелые пятки мелькают под пыльным подолом,
Глянцевитые икры и плечи, покрытые потом,
И улыбка беспамятства спит на лице безбородом.
О танцующий дух, сотрясающий вдруг вековые
Костяные стволы, рассыпающий блики пустые, —
На губах его пена, а на загорелом запястье,
Подлетая, звенит, обрывается дутое счастье.
Дико скачущий дух,
влажных рук мановением нервным
Все вокруг заставляющий вскрикивать, двигаться мерно
И раскачиваться, разметав облаков изголовье,
Без пощады и устали, в ритме, рожденном любовью.

Маятник

Когда желтеют сумерки, как львы
В державном городе, забытом всеми,
Лишь обнаженный маятник любви
Отсчитывает время.
Когда раскачиваются тела,
Как будто чокаются, проливаясь,
Бокалы, или два крыла
Стремительно разводит-сводит аист,
Летя на родину, – вот так под ним, рябя,
Валы сшибаются на севере и юге —
Вперед-назад, так, плача и скорбя,
Бах догоняет сам себя
В пульсирующей фуге.
Шнур телефона выдернут, окно
Завешено, и все-таки я вижу —
Прилив-отлив, ты падаешь на дно
И всякий раз выныриваешь ближе
(Достать жемчужину!); нет, то на берегу
Гнет ветер дерево в дугу
И с каждым разом наклоняет ниже,
Оно кричит, качаясь взад-вперед,
Летает маятник разгоряченной плоти
В зеленой комнате, отмеривая счет
Иной свободе,
Иному времени, стремя полет
С закрытыми глазами над обрывом
Пурпурной глины, окуная лот
Движением нетерпеливым
В раздавшиеся волны, —
и на треть
Не вычислить падений и сомнений,
И остается только умереть.
Вся тайна – в однообразии движений
Крыла, бокала, ветра, что пригнул
И раскачал деревья, нас обоих,
В повторах нот, сливающихся в гул
На улице, рисунка на обоях
И хищной грации ленивых облаков,
Ворча, толпящихся у дома,
Блестя рядами солнечных клыков
В преддверье грома, —
Аккорда, взрыва, рева голосов,
Удара задохнувшихся часов
О стену, ожидающую слома.

«Дети племени Симова…»

Дети племени Симова,
Эхом песни своей
Не будите любимого
На подушке моей.

Шорох клена зеленого,
Рассыпной соловей,
Не будите бессонного
На подушке моей.

И не трогайте век его, —
Века блеск и тщета,
Луч последний Олегова
Золотого щита.

Ветер, с города хрупкого
Сдувший стены, мосты,
Не сдувай с меня – рук его,
Как сентябрь листы.

Вечный рев поношения,
Грохот браней и распрь,
Эхо смуты – ушей его
Не касайся хоть раз.

Очерк лезвия голого,
Что изогнут волной,
Пощади его голову,
Заносясь надо мной.

«В вечернем воздухе наклонные поля…»

В вечернем воздухе наклонные поля
Подобны палубам ночного корабля,
Исполненным биения и гуда:
Под огненными брызгами шмелей,
Взрезая облако, на запад, в край теней,
Они плывут неведомо откуда.
Дано мне вместе с ними иногда
Скользить на дно – неведомо куда —
Качнув огнями Эльма-иван-чая,
Но каждый раз: захочет ли рассвет
Нас выловить из бездны или нет —
Никто не спрашивает.
И не отвечает.

Стрела

I

Узловатые жесткие травы на голых лугах,
Белый пух иван-чая и чертополоха в кустах.
Косо воткнута в берег сосны обагренной стрела,
Где пустуют коричневых дудок тела:
Плакал голос оттуда, а теперь замолчал,
А стрелу сохранял – не бывает древнее – колчан.
Оперением ветер звенит, острием бередит
Далеко – под землею и близко – в груди.

II

Думала, нет его. Думала, хлипкий мальчишка
Сгинул давно в подворотнях, помойках – в линялой
Рваной футболке и тусклой цепочке на шее.
Думала, по электричкам шныряет, карманник,
Взгляд вороватый не пряча. А впрочем, скорее —
Юркий фарцовщик у старших дружков на подхвате,
С грязной щекой и помятой жестянкой от пива.
Думала, детские игры сменил на окурки.
Думала… Ай! Что вонзилось, ошпарило слева?!
Выдернуть? – разве что с сердцем: в глазах потемнело.
Кто там стоит на углу, пиджачишком на вырост
Комкая сизые крылья, – и лук опускает?
Глазом искрится – попал! – из-под пепельной челки,
Губы закушены. – Как это я не узнала?!
Больно-то как…
– Эй, постой, попади еще разик —
Знаешь в кого!
Или скажешь, что кончились стрелы?

III

Около губ излучины,
У срубленного Богом колодца
Пью, и тем больше измучена
Жаждой – чем больше пьется.

Словно брожу в неизученной
И заповедной чаще, —
К теплой припав излучине,
Пью. Не бывает слаще.

Встать бы, уйти незамеченной.
Только хитрый охотник – случай:
Косо влетает вечером
Тоньше иголки – лучик.

Грудью к груди бы. Чащею,
Ощупью, боль заглушая… —
В сердце стрела торчащая
Крепче прильнуть мешает.

IV

Она летит – и стынет мир вокруг,
Как будто сам летишь, чертой рябою
Проносятся дома, заборы, луг,
Дитя, его отец, стакан с водою

(Бедой). Летит – и тонкий свист в ушах,
Серебряный, как будто плачет девка
Из крепостных, над пяльцами, впотьмах.
Летит – на полированное древко

Нанизывая кольца дней – большой
Улов! – как будто девка бисер нижет,
И нить в слезах. Летит – и вдруг: чужой
Становится души, рубашки ближе.
Воткнулась. Рану пальцами зажав, —
Свобода! – умираешь в тот же миг, но
Еще бредешь, цепляя ствол, стрижа,
Край тучи, стол, кровать. Не смея вскрикнуть.

V

Все – скифские, парфянские, певуче
Срывавшиеся с тетивы,
Все – не больней заноз, колючек:
Ну, плоть истлеет. Вместо головы
Качнется ежевичный куст. Коросту
Костей и кожи отряхнет душа… —
Нет, жалости не знающий подросток

Не просто плоти ищет, не спеша
Прицеливаясь, поджимая губы,
Прицениваясь – может, цель мала?
И стоит ли ее, незрячей, грубой,
Поющая, как соловей, стрела?

Нет, он прикидывает, как садовник:
Там, в сердце, как в лесу, где плесень, мох,
Что разрастется розой – плач Дидоны,
Хрип Федры или Хлои вздох?

И будет он минутным или вечным,
И в чернозем или в пески
Зерном вопьется жгучий наконечник,
И брызнут кровью лепестки?

VI

Пни, паутина, дягиль, сырая мгла,
Хвойным пером завершенная гладь ствола
Над фиолетовым озером, в сердце леса.
Ветер потрогает – и она гудит
Красным древком, колышащимся в груди,
Золотым острием глубже вонзаясь. – Лейся,

С кровью, голос, идущий из глубины, —
Голос воды, травы и самой сосны:
Древко дрожит, и рождается ветром слово.
И понимаешь, когда замирает ствол, —
Счастье – это когда отпускает боль.
Пауза. Вдох. Ожиданье – когда же снова?

VII

Сыро. Каждый лист обведен
Мокрой каймой. Стынут кустов фонтаны.
Солнце. Но до краев дождем
Ветки полны, шорохом и туманом.

Зябко. Тело еще горит,
Вынырнув из ладоней, огней, касаний,
Вспыхнув – подобьем листвы, коры —
Искрами, каплями, полосами,

Вздрагивая, через край сочась

И умирая. – Спи, ничего не случится:
Ты же губами унял на час
Темную ранку, пятнышко под ключицей.

VIII

В час, когда небо из лучших эмалей, смальт
Набрано, в омутах окон не видно ряби,
В час, когда гибок, чешуйчат и синь асфальт,
И поливалки боком ползут, как крабы,

Смертно бледнеют башни, вдали с моста
Медленно скатывается слеза трамвая,
Площадь небрита и, как щека, пуста,
Волны привычно бьются в гнилые сваи,

В час, когда статуи, обнажая фасад,
Перезрело сыплются, – шагом неверным
Выйдешь на улицу – над головой циферблат,
Стрелок лишенный, как будто смахнул их Бергман.

Там же, хмурый, нога – на дуге ворот,
Сверкая в прорехи гипсовыми плечами,
Стрелку часов кладет беспризорный Эрот
На тетиву – и другая торчит в колчане.

«Сколько имен я тебе нарекаю, мой дальний…»

Сколько имен я тебе нарекаю, мой дальний, —
Меньше стволов и камней огибает ручей
Ощупью, вниз, под небесною картой гадальной.
Сколько речей

Я говорю тебе шепотом, леса бахромку
Колким платком у бормочущих губ теребя,
Куст разбудив и пространства витую воронку,
Но не тебя.

Сколько имен, столько обликов, ты бесконечен —
Меньше листов у прозрачного ясеня – но
Неуловим; точно ветер, поймать тебя нечем.
Осенено

Голосом лето: когда не коснуться рукою,
Звук набухает телесною тяжестью. Пусть
Хоть не губами – так веткой, травою, рекою,
Словом коснусь!

Пион

Вкус песка – сыпучий и пресный,
Толкотня в колтуне травы;
В пыль вдавившийся краем, треснул
Сиплый колокол синевы.

А в пылающем сердце сада,
Под надсадный кузнечный звон,
Истязаем пчелой полосатой,
Разварной изнемог пион,

Вдрызг разбив и забрызгав собою
Полдня полый стеклянный куб, —
Содрогающийся от боли
Сразу сотней опухших губ.

Нежной плоти изрезанный ворох,
Полукружья, щели, зубцы,
И бикфордов стебель, и – порох
Рыхлой, сладкой, как смерть, пыльцы.

«Чем беспощадней мускулистый австр…»

Чем беспощадней мускулистый австр
Врезается в листву, сгибает спины,
Тем жарче перья пестрых райских астр
И беззаботней фейерверк рябины.

Чем глуше солнце – уходя к другим,
Чем холодней лучей колючий венчик,
Тем жестяной румяней георгин
И обреченный – яростней кузнечик.

Чем жилистей трава, острее дождь,
Чем ниже тучи шаркают, кочуя
Над лесом, чем рассеяннее ждешь, —
Тем одержимей губ твоих хочу я.

Вот уже август…

Вот уже август, мой друг, вот уже август.
Треснуло облако, в сердце кольнула игла.
В воздухе тень растеклась и особая мягкость;
Как георгины в садах, расцвели купола.

«Ангелы! – толстая нищенка крикнет у входа,
Явно в насмешку, – подайте!» – откатится гром
Грузовиков, и под сырые ворота,
Звякая мелочью, в ангельском чине войдем.

Мимо завода и церкви, тюрьмы и больницы,
Садом запущенным – мимо зацветшей реки;
Как же здесь пусто! – и вот уже август нам снится,
В воздух разлук обмакнувший крестов уголки.

Что-то горит – не мосты ли за мною? – и слабый,
Ласковый, точно змея, извивается дым.
Горечь такая, что хочется плакать по-бабьи,
Тихо сползая на землю к коленям твоим.

Горечь такая, когда возвращаешься, – как бишь
Место зовется в забитом крест-накрест раю,
Вдруг обнаруженном, – мимо заборов и кладбищ
Снова к воротам толкающем душу мою.

Вот уже вечность, и скоро за городом – быстрых
Стай —
точно губ по щеке на прощанье —
полет;
И разрыдается ангел; рассыплется в искрах
Лес – и одежды свои на себе разорвет.

«Боже, за что ты дал мне (на час? на миг?)…»

Боже, за что ты дал мне (на час? на миг?)
Свое творенье, что с мукою и любовью
Задумал, украсил, к которому так привык —
Как чашу для праздника приготовил?

Ты разрешил боязливо, как кромку вод,
Трогать смуглую кожу, отдергивать руку, ибо
Под ней – вверх-вниз, взад-вперед —
Плещет мысль, блестящая, будто рыба.

«Так и быть, – сказал, – подержи
Ненадолго!» (О, ревность!) – и встал напротив.
Еле-еле касаюсь: розоватый огонь души
Вспыхивает сквозь стенки плоти.

Как на замерзшем стекле продышав кружок,
Вглядываюсь – под телесной сенью
Сквозняки; но губы мои обжег,
Подойдя вплотную, пламени куст осенний.

Сжал запястья, рассыпался над головой
И густой волной побежал по коже,
От ступней до волос – и вот уж я факел Твой, —

Не гаси меня, Боже!

«Сердце твое – омываемый древнею кровью…»

Сердце твое – омываемый древнею кровью
Город, зеленый и вечный, стоящий при устье.
Как я люблю этих башен рисунок неровный:
Лишнего неба и лишнего солнца не впустит!
Как я люблю этих стен прихотливых изломы,
Крики причудливых птиц в разомлевших от зноя
Пряных садах, это облако цвета соломы —
Благословенны живущие там, за стеною.
Вот уже скрипка по крышам – за ярусом ярус,
Вот барабан, отбивающий глухо и сильно,
Вот уже окон качнулся малиновый гарус.
Вот я стою у ворот, у обочины пыльной.

«Останется жить только то, что прошло через смерть…»

Останется жить только то, что прошло через смерть.
Стрела, полетев, умирает, вонзившись, готова
Цвести, прорастая сквозь сердце; прозрачная сеть
Корней обвивает любое движение, слово —
И вафельный лед, что огромным наколот ножом,
От снега опухшие вывески, берег нечеткий,
Раскрытую книгу с пометками карандашом,
Средь буквенной ряби ныряющими, как лодки,
В которых и ты приплываешь ко мне между строк.
Стрела оживает, как зимняя ветка в стакане,
И кровь, и окрестность, и воздух запутав в клубок
Побегов, корней, в поднебесных цветов колыханье
И каждый предмет очертив и поставив в тени. —
Не Древо ли жизни из ранки растет? —
Если вырвем —
В болезни, безумии (руку посмей протяни!) —
Так разве что с корнем, а значит – и с Божиим миром!

Свеча

Живя на ощупь, за часом час
Я жду, когда изнутри,
Затеплясь, плоти твоей свеча
Тело мое озарит.

Чтоб пламя, колеблемо сквозняком,
Сквозь кожу, как сквозь стекло,
Легло на стену под потолком
И сердце мое сожгло.

Чтоб слово твое, как прозрачный воск,
Светилось. (Как больно мне!) —
Тогда я вижу весь мир насквозь,
До трещины на стене:

Клубки живучих теней в углу,
Лучи на виске твоем,
Две чашки белые на полу,
Сеть капель под фонарем,

В которую пойманы тополя,
Плоские, как лещи,
За ними, качаясь, плывут поля
На пламя твоей свечи

И черные бабочки окон, в срок
Уснувшие. Виден мне
Бредущий лесом единорог
И ангелы в вышине.

И Тот, перед Кем я на сквозняке
С тобою за часом час
Сгораю. И слышно мне вдалеке,
Как кто-то плачет о нас.

«Ветер, срывая железо, кроша кирпич…»

Ветер, срывая железо, кроша кирпич,
Поворачивает колесницу к югу.
Как вздуты скользкие мышцы!
Как ременный струится бич —
С воем! – над сырыми хребтами, как туго
Вожжи натянуты – горизонт хрипит,
Брызжет пеной на подоконник ржавый.
Четверка на Главном штабе, своих не догнав копыт,
Отзывается нежным тоскливым ржаньем.
Бьется посуда, прогибается потолок
Под колесами, наезжающими с размаху,
Стелются белые гривы, – о, никакой цветок
Еще долго не вырастет здесь со страху,
В ледяной колее затерянный, посреди
Грохота… —
Разве тот, что растет без спросу,
Когда губы твои на моей груди
В забытьи оставляют внезапно багровую розу.

«Ты не мой, и не свой, и ничей…»

Ты не мой, и не свой, и ничей,
Ни во сне, ни в сближенье телесном,
Под землею текущий ручей,
По кореньям и рудам железным,

По сквозным коридорам тоски,
По костям, непрозябнувшим злакам.
Две дрожащие эти руки
Разве могут согреть тебя? Знаком

Перепутья сверкает пчела
На сиреневой башне шалфея.
Проносясь сквозь чужие тела,
Выбегаешь ко мне, лиловея,

Золотясь, затопляя. Остер
Привкус горя, и голос измучен,
И трава полевая костер
Пляшет, вторя зигзагам излучин.

Никогда, никогда, никогда
Обреченнее вглубь не глядели:
Я нырну за тобою туда,
На пустые луга асфоделей,

Где, мешаясь, сливаясь со мной,
Ты не станешь выскальзывать к прочим,
Раз твоею тяжелой волной
Каждый мускул мой взят и обточен.

Тяжела, тяжела, тяжела
Эта влага – ни капли б не надо.
Все боялись, а я испила —
И забыла о прошлом. И рада.

«Женщина есть пустота, заполняемая дыханьем…»

Женщина есть пустота, заполняемая дыханьем,
Голосом, телом того, кто любит ее.
Нет меня, нет меня, я – полая дудка сухая,
Если не дуют в нее, впадающая в забытье.
Ветер летит стороной, в легких июня – каверна:
Кашляет мелким дождем, клонится к серым столбам.
Беден и прост мой напев – оттого-то, наверно,
Ты так долго меня не подносишь к губам.
Взгляд, проскользнув сквозь меня, в мороси тонет,
ладони ж
Прячутся зябко в пространства изношенный плащ.
Треснуло что-то во мне – походя тронешь —
Кажется, вырвутся только хрипенье и плач.

«Трава забвения – ярчайшая из трав…»

Трава забвения – ярчайшая из трав,
Готическая колокольня,
Вот я стою у твоего костра —
И пальцам больно —
Не верящим в тебя еретиком,
Сгорающим, чтобы поверил.
Сухая жизнь, раздута ветерком,
Вмиг вылетит в клубящиеся двери,
Не вслед за пулей в уличном бою,
Не через коридор больницы —
Сквозь стрельчатую башенку твою,
Сквозь листик, узкий, как бойница.
Смерть можно пережить, но не такой цветок,
Не алый жест его широкий,
От вечности: «Уплачено!» – квиток
Вручающий, застигнув на дороге.

Письма

1

Милый мой (хотя из двух этих
Слов – второе точно неправда),
Я так мало тебя вижу,
Так хочу шептать тебе на ухо долго-долго
Все глупости, что передумаю за неделю,
Заглядывать в глаза – и не успеваю,
Проводить пальцем по впалой щеке – и не умею…
Счастлив был Давид – он смеялся, плясал и плакал
От любви – это называли псалмами.
Можно, я буду писать тебе письма —
Сны, хвалу, жалобы, что придется,
Не рядясь больше ни в какие одежды,
Ни в римские складчатые туники,
Ни в средневековые платья с куньей опушкой,
Ни в китайские халаты с драконом:
Я не знаю, правда это или только жалость,
Но ведь ты обронил «люблю» – словно срывая
Все покровы с меня, даже эту рубашку.
Вот я стою перед тобой нагая,
Закрывая руками горящие щеки.

2

Ты вот не веришь в чудо, а я верю. —
Смейся-смейся – еще, мол, одна сыскалась!
Но смотри, сколько красивых женщин
Ходит вокруг, и взгляд твой скользит за каждой:
Под футболками вздрагивают груди,
Мелькают джинсовые тугие бедра.
Разве не чудо, что сегодня
Ты пришел ко мне, возле этого тела,
Освещенного так безжалостно ярко,
Приподнялся на локоть, в пальцах
Мнешь и вертишь его, посмеиваясь тихо
Над новой полоской загара? —
Это чудо, и я умею
Быть благодарной.

3

Слушай, я скажу тебе то, что
Можно говорить лишь во вред себе же.
Прочти и сожги, как в детективе, ладно?
Если ты сделал то, что сделал,
Из ревности – это б еще полбеды. Только
Небольшая на это надежда.
Все, наверно, гораздо хуже – просто
Ложь привычна для нас – машинальный
Жест, как будто за сигаретой…
Если б
Эти стыд, ожог хоть что-то во мне сломали,
Сдвинули – это б еще полбеды. Только,
Заглянув в заплаканное окошко
Души, – тут-то я вправду испугалась:
Все по-прежнему блестит к твоему приходу,
Стены, скатерть, и даже свечка
Ровно-ровно горит – не то что бурей,
Легким сквознячком не задета.
Это страшно. Это называется властью.
Это значит, любая боль от тебя лучше
Отсутствия прикосновенья.
Жизнь всегда есть или нет, прочее поправимо.
Это значит, мне все равно какой – любой! – лишь бы
Ты. Ведь солнце не упрекают за то, что жжется, —
Лишь бы светило.

4

Не говори, что ты некрасивый.
Не смей. Во-первых, это неправда.
Во-вторых, каждому милее
Свое: сицилийцу – море,
Эскимосу – снег, бедуину – барханы.
Я-то знаю, что такое чужбина.
Я пришла к тебе – на родину: эти
Смуглые поля не могут меня стыдиться.
Пусть их омывает свет, позволь мне
Смотреть и глазам не верить: дома.
Позволь долго, как родную землю,
Целовать – от глаз до ступней и обратно.

5

Как я перед тобой виновата!
Целый день думала о тебе плохо.
Думала: «И что у него от души осталось?
Выболела вся, рубцом стянулась?
Выкрошилась, как гранит под ветром?
Высыпалась по чужим постелям?
Может ли он в самом деле
Отличить мои губы от вчерашних,
Тридесятых – или они рябят, как волны?
Как же от качанья на стольких лодках
С ним морская болезнь не приключилась?
Узнает ли он, что я – его берег?..»
Прости глупую мою ревность.
Ах, как воет под окном собака,
Ветер гонит лес черной волною.
Видно, опять болит у тебя сердце,
Или тревога роет в груди яму.
Я боюсь, боюсь – где тебя носит?
Прости, прости, прости меня – возвращайся!

6

Я такого холодного лета не припомню.
Все солнце собралось в платках у цыганок,
Деловито расхаживающих по вокзалам,
Обернутых в блестящие юбки.
Я вчера видела бездомного дога,
Белого, с язвами на выпирающих ребрах,
С лицом белогвардейского эмигранта, —
И устыдилась своих печалей.
Ты не замечал, что у домашних собак глаза собачьи,
А у бездомных – российские? Не порода,
А готовность бежать от окрика – вот в чем дело.
Я сама тут подсчитала и прослезилась:
Только в двух случаях я не чувствую униженья —
Когда тебя целую и когда повторяю
То, что ветер поет. Хоть сам знаешь, здешняя лира
Не из черепахи, а из елки, в занозах.

7

Как ты был у меня, помнишь, цвели маки,
А теперь отцветают красные пионы.
Легче выцарапать из ракушки улитку,
Чем тебя из города. Когда приедешь,
Не спеши назад – все там будем.
А здешние сады на холме покатом —
Как церковка на ладони у святого.
И знаешь, хорошо, что они чужие,
Оттого они еще краше.
Так всегда – руки пусты – сердце полно.
Привыкать же опасно; вот и с тобою:
Обниму – смеюсь, отойду – плачу.
Только нам ведь неведомо, что здесь наше:
То, над чем трудились до смертного часа,
Или то, что мелькало из чужого сада.
Одно это меня и утешает.

8

Пока на моей груди тяжесть
Твоей руки, а не нагретого солнцем
Камня, – я боюсь не проснуться,
Даже когда затрубит Архангел.
Пока твоя грудь прикрыта моей ладонью,
А не землей, – засыпай скорее,
Дай мне твой сон пересыпать —
Песком между пальцев.
Видишь, волосы мои, как трава сырая,
Твои плечи мокры, солоны. Будем вместе
Хоть в этой временной смерти,
Что почти так же прекрасна,
Как та, что уже не за горами.

9

Почему я думаю о тебе и плачу?
Это все глаза – глядели на тебя весь вечер,
Переполнились и теперь через край льются.
Ты же не позволил мне закрыть их,
Даже когда обнял, даже когда… И я смотрела,

Щурясь, как на вечернее солнце.
А теперь больно…
Ты же рассказал мне страшную сказку:
Мол, когда-то – опыт говорит тебе – я остыну,
Тебя догорать оставлю. – Милый, глупый,
Нашел же ты – ловить рукавом ветер,
В чашке море переплывать: опыт!
Насмешил до слез – вот они и льются,
Льются, льются через край – хорошо, что
Ты меня, заплаканную, не видишь…

10

Нет, не стану гадать, любишь – не любишь:
Всякое гаданье – воровство у Бога
Из плиты пирогов недопеченных,
Протянешь руку – и обожжешься.
Лишь тогда сегодняшний хлеб насытит,
Когда не знаешь, пир завтра или голод.
А я, как нищенка, рада любой крошке,
Особенно твоему веселью.
Только не сердись, что я при тебе немая,
А останусь одна – и разболтаюсь;
Я ведь и взглянуть боюсь, а уйдешь – жалею:
Там и там бы еще поцеловала.
Это оттого, что без тебя всю неделю
Ходит маятник в груди с запинкой,
Ты придешь, качнешь – и он летит в небо,
Камнем падает, и дышать нечем.

«Механическая речка…»

Механическая речка
И кузнечик заводной —
Все счастливей человечка,
Пляшущего под луной.

Волны бьют, кузнечик скачет,
Ласточка чертит круги,
Только человечек плачет,
Шепчет: «Боже, помоги!»

Что-то треснуло такое:
Машет ветка, блещут сны,
Не остановить рукою
Вздрагивающей спины.

Дождь

Тихо. Даже муха уснула,
Целый час не дававшая мне покоя.
Голове, избавившейся от гула,
Весело покачиваться над рукою,
Над чертой подоконника, над садами,
Слушать: дождь копытцами не трещит ли,
Здесь ли он – серебряными стадами
Налитой трепещущий клевер щиплет…
Вот в такую ночь не хватает джинна
В той бутылке в углу – чтоб ловил любое
Приказанье.
Что делать? Неудержимо
Одного хочу я – лежать с тобою,
Остывая медленно от пожара,
С губ пошедшего, справившись с дрожью в теле,
Снова впасть – улыбнись! – в продолженье жанра
Влажных, дикорастущих бесед в постели,
Оплетающих это простое ложе
Лучше роз – или чего там? – мирта,
Впрочем, тут цветы со всего, похоже,
Порыжелого, будто август, мира.
И от свежего терпкого Августина
К перезрелому – винною вишней – Джойсу
Я хочу блуждать, как в раю, невинно,
Наклоняя ветвь, даже если жжется.
Беспокойным движеньем касаться Пруста
И плодов, что мне достаются редко
В одиночестве, – для тебя же просто
Не бывает слишком высокой ветки.
Не боясь терновых шипов, кругами
Я хочу блуждать от Евфрата к Волге
И, внезапно сталкиваясь губами,
Обжигаться и замолкать надолго.

Тихо. Даже для мухи поздно.
Дождь уносится, испугавшись взгляда,
Вдаль – садами промокшими, – стадом козьим —
Устьем сердца, уступами Галаада.
Мелкими следами полна страница,
И ладонь, и щека. Все, что было, все, что
Будет, дробно выстукивают копытца,
Лишь умалчивая, где пасешь ты.

«В тростнике голосовых…»

В тростнике голосовых
Пересохших связок
Страх, как ветер, петь привык;
Словно в кроне вяза,

В темени стучит испуг
Твердым клювом. Ночью
Из лесу воздетых рук
Ты выходишь, Отче.

Прошумев по волосам,
Прочь взмывают птицы,
Слез соленая роса
По Тебе струится.

В мокрых ризах, на пути
К светлым и любимым,
Отче, Отче, не пройди,
Заклинаю, мимо!

Наклонись и подыши,
Раздвигая стены:
Тлеет уголек души
В солнечном сплетенье,

И потрескивает плоть
Не соломой – кротче.
Дай мне силы побороть
Этот ужас, Отче.

«Где наша родина, узнать нам не дано…»

Где наша родина, узнать нам не дано —
Души размытый контур, берег сонный.
Из губ твоих грузинское вино
Мне показалось музыкой Вийона.

Не знаю, виноват ли виноград —
Хоть он плебей, а древний род прервался,
Что если он – родство забывший брат,
Потерянный – певучих лоз Прованса?

Навек ли нам пространства кабала
И времени рабочая одежда?
Что если поцелуем пополам
С вином ты разорвал ее – и между

Глотками долгими, как птицу, пропустил
Иную жизнь, мелодию иную:
Люби и пей! – И возразить нет сил,
Сосна скрипит, Нева ревнует

К жаре, виоле, бедному плащу,
Объятью, пересказанному просто.
Два неба встретились, о них я и грущу,
Им губы наши были —
перекресток.

«В луже треснула звезда…»

В луже треснула звезда.
Сердце раскололось.
За рекою поезда
Завывают в голос.

Спичек коробок исчез,
А другого нету.
Клен шагнул наперерез
Попросить монету.

На ступеньке лунный свет,
Свернутый в калачик.
Разве знает человек,
Почему он плачет?

Тень

«Как много смерти прячется в траве…»

Как много смерти прячется в траве
Острозаточенной, в тяжелой голове
Отрубленного солнца на лесной
Покатой плахе ветреной весной.

Пар изо рта порхает, как дракон,
Уже затеплен с четырех сторон
Лес – языками соловьиного огня,
И луг в цветах бледнее бледного коня.

Плывет цветок, качается в седле,
Неся точеный череп на стебле,
И под плащом сжимает семена;
Позвякивают тихо стремена.

Плывет цветок и смерть свою несет —
Ту, что скрывается внутри медовых сот,
На дне ладони, проплывающей тебя
Вдоль, поперек, – и ангелы, трубя

Пчелиным гудом, улетают прочь.
Плывет цветок, неся на стебле ночь.
И в сердце – ухо приложи – растут слова,
Как обоюдоострая трава.

«Я тебя потеряла, не обретя…»

Я тебя потеряла, не обретя,
И тепла в глазах твоих не увидев.
Все же я качаю твое дитя —
Этот стих, звучащий, как вдох и выдох.

Он рожден в грехе и слезах, и вот
Он горит листом золотым и красным,
Рвется прочь из рук и тебя зовет,
И еще не знает, что все напрасно.

Но к нему одному не пристанет грязь,
Мы уже погибли, а он – невинен:
В нем ты будешь со мною всегда, мой князь,
И на дне морском, и на небе синем,

И в чужом пиру, где меня не ждут,
И на кухне, где наших пиров приметы, —
Всюду – чем бы ни кончился Страшный Суд —
На дитя взглянув, мне укажут, где ты,

Позабывший с легкостью мой порог, —
Возле Божьих ног, в преисподней щели:
Мне, тебя не дав, милосердный Бог
Подарил его, как залог прощенья.

«Пока сухие стебли улиц…»

Пока сухие стебли улиц
Внезапный полдень озарил,
Пока из-под руки, прищурясь,
На нас не смотрит Азраил,

Пока шевелит Амфитрита
Заплесневелой чешуей, —
Еще не поздно – дверь открыта,
Входи, – пока над головой

Не потемнело от отлета
Чугунных ангелов в лесу
Исакьевском, – смахни заботу,
Как тополиный пух в глазу.

Пока лучи вслепую шарят
По комнате, и голова
Пока не катится, как шарик,
Под лапой каменного льва,

Пока на небе цвета сливы
Налево родинка видна,
И губы – солоней прилива,
Слюна во рту – пьяней вина,

Покуда пламя только лижет
Дворы и косяки дверей, —
Взгляни в глаза мне – ближе, ближе;
Скорей, скорей, скорей, скорей.

«Я хочу в Венецию – как лицом в траву…»

Я хочу в Венецию – как лицом в траву,
Посмотреть, как выглядит душа моя наяву.
От нее закат, как камин, отгорожен цветным экраном,
И часы расцвели на стебле четырехгранном:
Стрелок тычинки; горьковатого звона завязь
Никогда не созреет, подставленных губ касаясь.
Там копье проросло, как в озере остролист,
И герой, словно рыба, выловлен: запеклись
Бронзовые чешуйки – он умер сразу.
И дома поставлены в воду, как в зеленую вазу.
Под ногой ступень качается, как листок,
И пролеты мостов прерывисты, словно вздох,
Словно в горле речь – не находя участья,
Медлит – начаться ей или не начаться.
Есть у счастья свои приметы и у несчастья тоже:
Покрывается камень гусиной кожей,
А спина волны каменеет; на водосточной трубе
Выступает испарина, как на губе.
То ли в любви, то ли в битве —
сжав друг друга руками,
Смертной дрожью объяты оба – вода и камень.

«Серый камень спит, коростель скрипит…»

Серый камень спит, коростель скрипит,
Ходит облако на ногах дождя,
Жгучий воздух крепок, как чистый спирт,
Чиркни спичкой – и полыхнет, треща.

Роща кажется берегом, а луга
Проплывают медленно, на спине
Пронося уснувшие два цветка,
Словно белых всадников на коне.

Травяная бездна легка, под ней —
Черной бездны стиснутые пласты,
Где уснули под гул земляных червей
Зерна мертвые, сжав в кулачках цветы.

За былинку цепляясь одной рукой,
Век сочтя минутою, как в раю, —
На краю – обнимая тебя другой,
Губ твоих цикуту я залпом пью.

Прилив

Неслышно зарождается прилив:
Вот губы тихо трогают, как волны,
Песчаную ладонь, вот, плечи скрыв,
Становятся упруги и упорны.
Вот тело всё, подобное волне,
Но не одной волне, а сразу многим,
Уже вскипает вкруг меня, во мне,
Окатывая голову и ноги,
И, то на гребне, то на дне крутя,
Уносит вглубь, как легонькую щепку, —
И шум в ушах, и я тону, хотя
За каждую волну цепляюсь крепко.
И это чудо – выйти не на мыс
Чужих миров, неведомых америк,
А, пересекши время, как Улисс,
Лечь
возле тех же губ, на тот же берег.

«Мне двойное судьба изготовила лезвие…»

Мне двойное судьба изготовила лезвие,
Шелковистой рукой мою шею пригнула:
Подарила мне сердце сестры моей Лесбии
И – в насмешку – напрасные слезы Катулла.
Так вот кошку в мешок зашивают с собакою,
Чтоб верней утопить. В этом теле зашиты
Две души, два врага, что сильны одинаково, —
Ни управы на них не найти, ни защиты.

О любимом забуду – свобода! – а мысли-то,
Словно птицы в гнездо, возвращаются сами.
Так охотник помчится за дичью и выследит —
И опустит копье, и зальется слезами.

Голос – горше цикуты, сестра моя Лесбия, —
Не живу и не сплю, не пою и не плачу,
И, обычаем варварским местным не брезгуя,
Вместе лавра и терна ищу, не иначе.

Капли от унынья

1

Радость померкла.
Волшебный фонарь зрения помутился.
Вынуты цветные стекла:
Стала рекою река, стала травою трава,
Как Золушка в полночь.
Пеплом присыпан вечер,
Будто его закоптили,
И даже соседкино платье
Больше не отбивается от прищепок,
Повисло, рукава растопырив.
Видно, что-то я натворила,
Раз никто со мной говорить не хочет —
Ни ведро, ни калитка, ни тополь,
А серый лягушонок спиной повернулся
И кинулся в пруд (по-японски).

2

Как ни крути, нынче
Для отшельников тяжелое время.
Во-первых, подорожали дачи,
Во-вторых, перевелись акриды —
Остались одни искушенья.
Не то чтобы морковка на грядке
Принимала непристойные формы
(Чаще всего никаких не принимает),
Но бес полуденный блазнит:
Не вари, – говорит, – обеда,
Куда лучше прыгнуть в колодец;
В знойном мареве кувыркается, голый,
Глаза ледяные,
На кудрях – венок из лютиков и кашки.
Как вспомню тебя – зашипит и растворится.
Но не надолго:
Зачерпну ведро – брызнет оттуда,
Выжимаю белье – выскользнет полотенцем.
Бывало, гнала его постом и молитвой
О твоей любви – о хлебе насущном,
А теперь не смею:

Большой грех просить о невозможном,
Бог таких капризов не любит;
Как ребенка, бьющего ногами
По полу, – стороной обходит.
А полуденному бесу того и надо —
Замолчу – он и стукнет по лбу копытом.

3

Я проиграла.
Но ты не жди афоризма вроде
«Поражение – и есть победа».
Нет, я совсем проиграла.
Ну, попал в меня некий луч, как в линзу,
Ты-то от него не загорелся,
Разве что потеплел немножко.
Видно, ты от меня дальше,
Чем я думала, – как снежная вершина, —
Лезешь, лезешь – и упадешь, понимая:
Трудней всего дотянуться
До того, что кажется рядом.
Протяну ладонь к щеке – о! версты и версты!
Но зато, проиграв, я узнала
Важную вещь: это не победивших,
А побежденных не судят —
Потому что просто не замечают.

4

Раз в неделю я приезжаю в город
Купить продуктов и повидаться с тобою.
Так глубоководная рыба
Всплывает глотнуть воздух – и снова ныряет.
Сегодня асфальтировали площадь,
Она дымилась, укрытая чем-то белым, пухлым:
Тополь отдал ей последнюю рубашку.
Тускло блестели шпили
И лица разомлевших нищих.
Жара. Все деревья, все реки,
Все Книги Царств, все звери и птицы,
Бесы, ангелы, псалмы, розы,
И даже Песнь Песней
Не в силах дать мне хоть каплю
Твоей любви.

5

Заходя подальше от дома
В синие заросли мышиного горошка,
Я думаю: отчего нам дороже
Не те, кто приносят радость,
А те, из-за кого мы плачем?
Вот и эта земля привязывает не лаской,
А сыростью и коварством.
Видно, таков закон всемирного тяготенья,
Настигающий даже тех, кто бежит в пустыню.
Если бы ты знал, как здесь тихо!
Сидят златоглазые лягушки,
Ветер приносит слоеный пирог тумана.
Здесь, в пустыне, мне очевидно:
Только боль – повод для речи.
Ну, а голос —
К кому обращен, к тому и привяжет
Крепче веревки.

6

Все по-прежнему, только нещадно печет солнце,
Раскаленный песок простыни обжигает кожу,
Ветер пьет из окна вишневый сироп занавески,
А я – из блестящей ямки
На твоей груди – воду, пролитую из стакана. —
Видно, ангел стоит в головах, поит меня с ложки,
Потакая причудам,
Видя, что хворь моя неизлечима.
Все по-прежнему – так же губы скользят вдоль тела,
Натыкаясь на те же преграды,
Только вот говорят с тобою
Бессмысленно и беззвучно:
Как после взрыва.

7

Близок кастальский ключ – это просто слезы.
Даже слишком близок – как наша речка,
Падающая с плотины,
Крутя траву, мусор и камни.

Близок ключ, отворяющий вскрики, встречи,
Слухи, сны, объятья,
Омывающий острова глаз, покуда
Я лежу на песке и, обгорев на солнце,
Меняю по-змеиному кожу.
Близок ключ, да выскользнет – об одно лишь
Слово твое запнусь, полечу в обиду,
Как в погреб, где в наказанье
(Впредь, мол, лучше гляди под ноги!)
Тесно, сыро и ничего не слышно, —
Потому что Бог не любит унынья.
Только выбравшись и пойму, что из иных потоков
Ни напиться, ни выбраться невозможно.

8

Слоистая пагода лопуха, буддийский
Голубой колокольчик,
Шаманский бубен ромашки,
Ель, увешанная четками шишек, —
Все они громко славят Бога,
Хоть имени Его не знают.
Даже маленький серый лягушонок,
Живущий в пожарном водоеме,
Носит на спинке одну Его букву —
И страшно этим гордится.
Только я своей хвалою недовольна,
Только мне она в кровь раздирает губы.
Видно, вместе с нею
С плачем рвутся наружу
Нерожденные слова, что я тебе не сказала, —
И не скажу, не бойся.

9

Сколь любезна сердцу моя пустыня!
В ней благословенны жара и холод
И не тягостно послушанье:
Целый день я стираю, поливаю,
Варю, кормлю и таскаю воду.
Правда, бесы вьются комарами,
Всё хотят, чтоб я на тебя рассердилась.
Но я вспоминаю твои губы
И завешиваю окно марлей.
Иногда мне кажется, что вокруг так тихо,

Словно что-то стряслось —
то ли поезд сошел с рельсов,
То ли какие-то враги всех завоевали
И ушли… Я сама зарастаю бурьяном,
Как положено после крушенья.
И когда мы в последние дни говорим с тобою,
Он шуршит от ветра – неужели не слышишь?

10

Надо же, какая насмешка:
Я готова быть твоей тенью,
Ты же тени отбрасывать не хочешь.
Или я мало старалась,
Или тот, кто тени своей из-за меня лишился,
Слишком много слез пролил —
И они заслонили мне солнце,
Словно эти облака над покатым полем
Встали после грозы – как морские волны —
Поглотить фараоновы колесницы.
Когда Бог сидел на пустой земле Робинзоном,
Трепеща от любви и разгораясь,
Всё вокруг он склеил, сшил, замесил на страсти,
На страстях, вернее.
Ты же сам повторял мне часто,
Что сильнейшая из них – это жалость.

11

Утром, стоя в траве, побитой градом,
Я гадала, отчего это боль и ревность
Со временем становятся печалью. —
Так вот наши соседи-погорельцы
Который год живут во времянке,
По безденежью сделавшейся вечной.
Когда ты целуешь меня вот так устало,
Вытянувшись рядом,
Но не смешиваясь, как ртуть с водою,
Я смотрю на острое плечо, на живот темный и
впалый,
И одна мне отрада:
Так я мало для тебя значу,
Что тебе-то уж не причиню горя.
Хотя согласись, что это —
Слишком терпкие капли от унынья.

12

Отче наш, иже еси, – а значит,
Был и будешь, – на небесех, конечно,
А не на небе, – да святится
Имя Твоё, которого я не знаю,
Как любая трава, стоящая пред Тобою,
Да приидет – пусть даже меня сжигая —
Царствие Твое, в котором
Лишь любовь и не сгорит, – да будет
Воля Твоя, становясь и моею,
Яко на небеси, где стрижи несутся,
И на земли, пропахшей грозой и мятой, —
Потому что я боюсь мрака.
Хлеб наш насущный,
Любви нашей хлеб – с полынью
И лебедой – дай нам днесь, голодным,
И мне тоже – хоть крошку,
И остави нам долги наши,
Не попомни зла, которое причиняем —
Даже целуя – друг другу,
А я, верно, побольше прочих,
И прости нас, яко же и мы, измучась
От попыток забрать назад, что отдали сами,
Оставляем, вздохнув, должником нашим.
И не введи нас, легких, как сухие листья,
Во искушение, не отпускай надолго
От Себя – но избави… избави… избави…

13

После дождя в небе – виолончели
Долго звучат. В радугу шириною
Промежуток между грозой и грозой, —
встречей и встречей.
Скоро ты уедешь – и радуги мне не хватит.
Не то чтобы три недели
Без тебя не прожить, но маленькая разлука —
Восковая куколка настоящей.
Ты ведь не в первый раз уезжаешь;
Погляди на меня – есть ли дальше страны?
Скажи, вот так, без одежд и вёсел,
Стиснув до боли запястья,
Зажмурясь от страха,

Прижавшись губами,
Качаясь, как после крушения, на обломках, —
Есть ли опасней плаванье, чем друг в друге?

14

Ночью в грозу, как всегда, в поселке
Свет погас. Хорошо, отыскалась свечка,
Привезенная тобой прошлым летом.
Я ее посадила в консервную банку,
И она расцвела. Молнии к ней слетались
Бабочками, а внизу, в картошке,
Серый лягушонок блестел глазами.
Я боюсь темноты (лучше треск и вспышки),
Хотя знаю – кто долго глядит на солнце,
Увидит его черным.
Недаром мудрецы говорили:
Слишком яркий свет грозит тьмою.
Может, и к лучшему, что ты меня не любишь, —
Зато свечка твоя не гаснет,
И я при ней все яснее вижу:
Ни о чем на свете говорить не стоит,
Кроме любви и смерти.

Искушение

Два стула, стол, две чашки с молоком,
Две стопки книг, влетающий бегом
Ребенок – за игрушкой и конфетой,
Скрипение пером на чердаке,
Желтеющее поле вдалеке
И зреющие яблоки – все это —

Пустыня. Потому что нету в ней
Твоей любви. Зане – песчаных дней
По низким крышам плещут перекаты.
Еще висит мираж, но сквозь него
Уже витает грач, и естество
Дождя блестит. И мы не виноваты.
Пустыня – это родина камней,
Лежащих на душе. К тому же в ней
(В пустыне) обитают искушенья.
Они выныривают из травы,
То скалятся, голодные, как львы,
То с детским плачем требуют решенья:

Душе дрожащей быть или не быть,
Напиток смертный пить или не пить,
Что слаще вин; от здешних помогает
Недугов – но нездешние влечет.
Кладет мне тихо руку на плечо
Кудрявый дух – и смотрит не мигая.

«Тихо, как облако, ходит печаль и не старится…»

Тихо, как облако, ходит печаль и не старится —
Все молодеет, и губы ее – точно ранки.
Вечер дышит сыростью, и душа моя – странница —
Нынче – венецианка.

Никогда не пила я сумерки эти креплёные,
Полные йода и нарда,
Никогда не ступала на ступени краплёные —
На раскрытые веером карты.

Никогда не сжимала ни ручку дверную медную
В старой гостинице, ни перила
Темного дерева, и слово последнее
Ночью не говорила

Никому. А душа загляделась на воды карие,
Замерла на мосту – и
Все глядит, как Тритон выплывает в зеленом мареве,
Поднимая раковину пустую.

«Крестовидные соцветья…»

Крестовидные соцветья
Пахнут горьким молоком.
Но по ним ступает ветер
Без опаски, босиком.
Вниз от каждой пентаграммы —
Изумрудная струна.
Лепесток откинут рамой,
Створкой белого окна.
Но за легкой занавеской
Никогда тебя не ждут, —
Лишь густеет запах резкий,
Словно чьи-то письма жгут.
И метаться бесполезно
Между стен, как между скал:
Под пыльцою желтой – бездна,
Та, что выдумал Паскаль.

Вечер

I

Не грусти, до плеча укройся,
Все пройдет, эта боль тоже.
Облако брошено, как роза,
На окно, и блестит ножик

На столе, и бокал желтый,
И рубашка висит на стуле,
Скорчившись от горя: пришел ты
И ее покинул, пустую.

Ах, как я ее понимаю!
Обнимать тебя, нехитрого счастья
Прижиматься, льнуть – к середке и с краю —
Лучше не иметь, чем лишаться.

Луч, узор на столе соткавший,
Лужица мадеры. Уйдешь ты —
Тень твою обниму я так же,
Как твоя пустая одежка.

II

Ты – молитвенник мой – прочту я
Строчки ребер, по складам, четко,
Сердца буквицу золотую.
Позвонков убегают чётки

За границу, вниз, в тени, блики.
Сколь ты лучше книг – им на зависть:
Лишь глазами я читаю книгу,
А тебя – всем, чем касаюсь!

Белая ночь

Травы спят с открытыми глазами,
Молча приподнявшись на корнях.
Воздух спит, объятый соловьями,
С пламенем подземным на щеках.
Спит река, несясь неудержимо,
Ни на миг не жмуря желтых глаз.
Словно из разбитого кувшина,
Время выливается из нас.
Спит флейтист на улице, обманщик,
Продававший вишни, жук в траве,
Спят леса, вставая возле дачек,
Словно волосы на голове.
Ветер не отбрасывает тени.
Не видать источника огня.
Сплю и я, обняв твои колени.
Спишь и ты – и смотришь сквозь меня.

«От заката к восходу, с запада на восток…»

От заката к восходу, с запада на восток,
По пустыне листа идут караваны строк,
Торопясь, точно душу пленницей увели,
И невидимой точкой позванивая вдали.
Мир поделен на два, ровен и золотист:
Только ты и бумага, бескрайний горячий лист;
Добираться к тебе коварным путем листа —
Только это осталось, а сверху того – тщета.
Монотонно множась, движенье рождает звук:
На краю земли – вереницы горбатых букв,
Их волнистые спины колышутся, как вода,
И висит мираж, до которого – никогда…

«Когда б мы ездили на лошадях…»

Когда б мы ездили на лошадях
По много суток и писали письма
На станциях, – то каждая разлука
Казалась бы тогда ужасно длинной,
Зато не столь глубокой. И когда
Взметая пыль, ты мчался бы во Франкфурт,
Я знала бы, что завтра столько верст
Проедешь ты, а послезавтра – столько, —
Конечно, если ось еще цела.
Ты б уменьшался медленно – не то что
Взмыл в облака – и всё: стена, обрыв.
А так – изрыто губчатое время
Отвесными провалами – во мне
Самой их несколько. Землетрясенье
В сравнении со скоростью – ничто.

И все же лошади быстрей моторов,
Не говоря о том, что симпатичней;
Хоть медленнее ездили на них,
Зато гораздо больше успевали:
Неспешный путь необходим для мысли,
Которая сама – лишь только путь.
К тому же никакая быстрота
Не заменяет ритма, на который
Нанизан мир, как на шампур – шашлык.
А ритм живет в копытах, кастаньетах,
Любовниках, волнах, ветвях и прочем,
Но если сильно увеличить скорость —
Тогда он убивает сам себя.

Поэтому ты не получишь писем,
Войдя в отель, – о том, что стало жарко,
Однако же простуда не проходит,
О том, что, как всегда, имеет ценность
Лишь тот пейзаж, в котором скрыта боль,
Что босоножки порвались, малина
Созрела, сигареты на исходе,
И что желанье получает силу,
Лишь только обретая направленье,
Не ранее, – и я не получу
Отчета о дорожных приключеньях,
Язвительных портретов, опасений
Сойти с ума от глупости соседа —
И краткой просьбы поберечь себя.
Хоть сами по себе не важны письма,

Но строчек набегающие волны
Слагают ритм: прилив – отлив – прилив.
А нет его – и жизнь пересыхает
И обнажает с трещинами дно.
Чем больше разговоров и событий
Вкруг нас кипит – тем глубже расставанье —
Ни расстоянье, ни, тем паче, сроки
Здесь не играют роли. Потому,
Вернувшись, ты найдешь меня в ушелье
Таком глубоком, – что не извлечешь,
Пока не крикнешь слов из арсенала,
Которого стыдится молвь дневная
И презирает письменная речь.

Пустырник

Неистовый синий пустырник на жгучем ветру,
Скажи мне словами простыми, когда я умру,
На эти кусты земляники, в траву-лебеду
Поникну, закроюсь, как книга, усну, упаду?
Запомнит ли, как меня звали, бессолнечный склон? —
Любимый – едва ли… Сильнее любви – только сон,
В котором приснится: мы рядом, хоть так далеки,
И те же ресницы, как птицы, кружат у щеки,
И, страх побеждая, к тому же лицу я прильну, —
Так лютик в слезах, не мигая, глядит на луну.
От тайного жара в земле прорастает зерно,
Но музыки жало над ним уже занесено.
Сильнее любви только сон о любви, только лишь
Наш голос, – ты слышишь, пустырник?! —
а ты говоришь…

Пейзаж с новом и ромашкой

1

На вытертом луговом вельвете
Капли грачей после небесной качки
Расплываются. Ветер
Настраивает свой органчик.
Птицы свили гнезда – леса оглохли.
На воде проступили бурые пятна.
Время кончилось. Первый пух на чертополохе —
Старческий или младенческий – непонятно.
И пространство кончилось. Молчат валуны в крапиве,
Дышит дерево, жук заполз на рубашку.
Отсюда, с холма, лежащий в канаве Иов
Кажется не больше ромашки.

2

Лето клонится, как Пизанская башня,
Но тяжелее, быстрее. Теперь ему важен
Каждый бедный стебель, что целого поля краше.
Видно, только многое потерявший
Начинает видеть подарок в малом —
В завитке тропы, в лепестке завялом,
В капле, свисающей с перевернутой лейки.
Проигравший тысячи начинает считать копейки.
Прокаженный Иов, сидящий в навозной куче,
Радуется очертаньям тучи
И дождю, что прольется не над его полями,
Черепку с водой, где солнце разводит пламя.
Как жена сбежавшая, жизнь оставляет везде улики —
В изумрудной улитке, в луже, в твоей улыбке.

3

Рваные ритмы, разодранные одежды
Строк, свисающие с души,
Распростертой в пыли, черные дыры между
Словами – будто бы наспех сшит

Бурый от высохшей крови, от пепла серый,
Грубый плащ:
Не влезает в классические размеры
Плач.

Прошлое, провалившееся в цезуру —
В пропасть, в дырявый карман, —
Не надставить будущим, не отмыть от бурой
Крови, от серого пепла. – «Обман!» —

Говорит река; душу до кости выев,
Ветер – шепотом в темноте:
«Где твои дети, где твои дети, Иов,
Но не эти —
а те?»

4

Только Тот, кто видал, как рождает лань,
Чем детенышей кормит кудрявый лев,
Кто не помнит в пятом колене зла,
Языком огня утоляет гнев,

Только Тот, кто закрыл на гремящий ключ
Кладовые, где сложен жемчужный град,
Кто устроил просторные стойла туч,
Глядя в пропасть, велел: «Вознесись, гора!»

Кто ладонью море загородил
И наполнил реки, склонив кувшин,
Кто измерил бездну и насадил
Райский сад, заглохший на дне души,

Тот, кто южный ветер связал узлом,
Укачал, напевая, пустыню: «Спи!»
Вымыл лес, где ходит трубящий слон,
И подвесил звездочку на цепи,
Взвесил облако, побывал внутри
Нерожденного времени, в стеблях трав, —
Только Тот пастуха избирает в цари,
Позволяет рабу говорить: «Я прав!»

5

Солнце. Выцветающие луга.

Тяжело выплывает из-за поворота
Облако, полное молока
И меда.

Ветер. В глазах, на зубах песок.
Я хочу под липой в пыли усесться.
Ждать, когда оборвется листок
В форме сердца.

В пустоту завернуться, как в плащ, – пока,
С замиранием ожидая ответа,
Смотрит Бог на сердце в форме листка,
Оборвавшееся от ветра:

Как оно обращается в прах у ног,
Но не лепечет хулу пустую. —
Вот тогда с облегчением выдохнет Бог:
Существую!

«Лето уходит – седого тумана струя…»

Лето уходит – седого тумана струя.
Время со свистом утиным влетает во тьму.
Я говорю с тобою из страха небытия:
Слово
возводит мир по образу своему.

Там-то я и укроюсь. Построю дом.
Даже, может быть, разведу сады.
И однажды вечером, пройдя босиком,
На песке увижу свои следы.

Это будет прощение. Преображенье лет,
Выдававших паек надежды на каждый день:
Может, сегодня в тебе я оставлю след… —
Не остается. Как будто иду по воде.

«Лужа стала звездой. Набухает бутон зимы…»

Лужа стала звездой. Набухает бутон зимы,
Но лепестки растрепанной хризантемы
Еще целомудренно смежены,
Как вариации возле темы,
Покуда флейты крепнущий стебелек
Вздрагивает внутри сонаты,
Продвигаясь ощупью, одинок,
Как всякий, кого ревнует Бог
И кто в слезах отбивается: нет, не надо!
За окном в подоконник плещутся небеса
Ледяной волною шероховатой,
С деревьев убраны паруса,
И торчат ветвей обрубленные канаты, —
Не уплыть. На столе в целлофановых кружевах
Хлеб, кувшин, на блюдце остаток торта,
Свет, пришитый к предмету, потертый в швах,
Виден в замочную скважину натюрморта,
Ключ потерян: не выйти. Ревнивый Бог
Отодвигает тебя и глядит из мрака,
С кем же я говорю? На полу у ног
Дремлет тень моя, верная, как собака.
Расстояние – это боль: не зашить дыру —
Душа растягивается, рвется
Белой ниткой, флейтою, поутру
Прорастающей к солнцу,
Но в студенистых с прозеленью, густых
Облаках ничего не находит, кроме
Малодушной лазейки из смерти в стих, —
Да и та вот-вот захлопнется;
в щелку Стикс
Виден, чьи брызги похожи на капли крови.

«Человек, уходящий от человека…»

Человек, уходящий от человека,
Приближается к дереву, камню, снегу,
К трещине на стене,
И, покуда к детям бежит соседка,
На плечо его – вместо ладони – ветка
Опускается, как во сне.

Чем слабее шаги уходящих близких
Или тех, кто ими не стал, – на склизких
Перекошенных мостовых,
Тем слышнее – потоками черной крови —
Продвижение ветра под тонкой кровлей,
В склеротических городских
Переулках, яснее листа паденье —
Вниз, под землю, на встречу с собственной тенью,
Ждавшей его весь день,
Тем виднее сгорбленный полуночник
И волны изогнутый позвоночник,
Разбиваемый о ступень.

Человек, которому человека
Приручить не дано, – приручает эхо,
Кто он сам, позабыв, – и вдруг
Обнаружив пудреницу в кармане;
Только тут-то Бог на него и глянет,
Тихо вынув ее из рук.

«От инея опухли ветви…»

От инея опухли ветви
Кустарника – или от сна,
И масляные пятна света
На льду пролиты. Тишина

Придушенным – как бы в подушку —
Гудением грузовиков
Напугана, дрожит, как кружка,
Зажатая меж берегов.

Снежок, наброшенный для вида,
Задрался – и видна трава,
И солнца о стволы разбита
Бесчувственная голова.

«Слезы вспять не текут. Не отдам…»

Слезы вспять не текут. Не отдам
Адской искры для здравого рая.
Чтобы мне не сгореть, по ночам
Бог тебя у меня отбирает,

Шепчет голосом ветра: «Верну!» —
И выходит на цыпочках;
плечи
Уронив, приникаю к окну. —
Так детей разболевшихся лечат,

Так игрушку из стиснутых рук
Вынимают, склоняясь к постели, —
Словно жизнь; словно жаркий недуг:
Чтобы мы на Отца поглядели.

«Мальчик мой в рубашке голубой…»

Мальчик мой в рубашке голубой,
Старых джинсах, укротитель слова,
Тонкий, будто первый лед, – постой,
Мне тебя, как неба голубого,

Мало – под которым только слух
От меня остался, только зренье,
И пространство согнуто, как лук,
И заострено, трепещет время.

Нет у нас ни завтра, ни вчера,
Общей чашки чаю на рассвете,
На снегу бумажном – след пера,
И до самой смерти – ветер, ветер.

Под окном кусты в одном белье
Сбились – погляди, зима настала.
На двоих одно небытие
Можно натянуть, как одеяло.

Тень

1

Среди зданий, крошащихся, будто зубы,
Среди черного хлеба, остатков супа,
Сигарет, за квартиру и свет квитанций,
Среди желтых снегов, голубиных танцев
На карнизе под порыжелой башней,
Деревянных, зеленых и прочих башлей,
Распускающихся, несмотря на климат,
И гостей, и пола, который вымыт
В воскресенье, обеда, который позже,
Чем на час, не начнется, детей и – Боже! —
Даже внуков, фуршетов, кагора, виски,
Похорон, рождений, родных и близких
(Где их только берут!), и врачей, и нежных
Взглядов прямо в глаза – и пониже, грешных,
Среди ветра, гудящего, словно месса, —
Я есть тень, которая знает место.

2

Все очень просто: сначала те,
Кто тебя породили, извергли горячей лавой,
Застывают в глинистой темноте —
Ты для них уже долго не будешь главной.
Для остальных, естественно, никогда.
Шевелится райское древо на кухонной занавеске:
В окна дует. В ванной течет вода.
Светит чайник – хотя не греет – стеклянным блеском;
Тот, кто может, коснувшись, воскликнуть: «Будь!» —
Чтоб из мрака возникли твоя голова, колени —
Не восклицает. Облака в окне продолжают путь,
Так становишься тенью.

3

Чтобы существовать – мало существовать.
Надо, чтоб кто-нибудь, на ночь или вставая
Поутру, представлял тебя целиком, боясь потерять

Хоть частицу и веря, что ты живая.
Так вода сама по себе – еще не река,
А рекой ее делают берега,
Горстка звуков – еще не слово,
И уж точно не имя – пока услыхать нельзя:
Оживить его могут, произнося,
Только губы Другого.
Но Другой молчит. Может быть, потому,
Что с ним говорят другие.
Только несчастье, как снег, проницая тьму,
Открывает глаза тебе, точно Вию:
Видишь – Тени бормочущий язычок
(Кто отбросил ее – подобрать не смог, —
То ли сердце болит, то ли село солнце),
Возле Тени – торшера горячий круг,
Что очерчен движеньем дрожащих рук, —
Где она спасается. Не спасется.

4

Мимо леса, болота, заброшенных деревень,
Мимо свалки, где роется ветер в куче цветного хлама,
Бог проходит по свету, роняя тень
В виде Адама. —
Беспокойная, ступит на воду – тянет ее глубина,
Глянет в небо – и закрывает очи,
Как она беспомощна; словно изба, темна;
Тусклым окошком теплится в ней вина,
Спать не хочет.
Как она суетлива – вдевает в иголку нить,
Едет в поезде, раскрывает книгу – и все ей мало —
Быть мужчиной, женщиной, модный пиджак носить —
Чтоб забыть,
Кого она потеряла.

5

Чтоб остаться неузнанной, Тень должна
Одеваться ярко, смотреть свысока – короче,
Соблюдать известные правила – не отказываться от вина,
Сигареты, и если плакать, так только ночью;
Юбку носить поуже – тогда под ней
Померещится тело; обязательно красить губы;
Так смотреться в зеркало, словно в его глубине
Она видит свое отражение, а не клубы

Мокрого снега, кривых тропинок лучи,
Желтою свечкой оплывший поселок дачный,
Не пугаться звука; не говорить «молчи»,
Не бывать на солнце – чтобы не стать прозрачной.
И не помнить, не помнить, не помнить жаркой пчелы —
«люблю»,
Острого, словно стрела, душного, словно мускус;
Если вдруг повторят – замереть в углу —
И – чтоб не дрогнул уже ни единый мускул.

6

Больно, больно Тени ходить одной:
Что она ни наденет – а все босая,
Каждый лучик колет ее иглой,
Воздух голые локти кусает,
Звук царапает до крови, за версту
Слышен вздох ее – точно сохлых листьев,
И дорога жалит ее в пяту,
Если вдруг, забывшись, она помыслит
Хоть на вечер спрятаться за спиной… —
Всё вокруг – дружнее смычков оркестра —
Лай собаки, музыка за стеной,
Слово, шаг, звонок – ей укажут место.
Всякий ей напомнит, кому не лень,
Что ее счастливей любой калека:
Даже тот чудак, потерявший тень, —
Лучше Тени, теряющей человека.

7

Зима уже скрывает под водой
Костей и жил своих состав непрочный.
Чем меньше слов ты говоришь со мной,
Тем я прозрачней.

Ты здесь еще, а я – уже почти
Растаявший, в беспамятстве зажатый
Клок облака у дерева в горсти,
Листок измятый,

Неистово швыряемый туда —
Сюда – туда, – где не найти, похоже,
Ни выхода, ни входа, ни стыда.
Ни глаз. Ни кожи.

Как ты, приоткрываются ручьи,
В их уголках – желтеющая пена,
В них мутные снега – уже ничьи —
Умрут мгновенно.

Чем реже вспоминаешь обо мне,
Чем тише ночь соскальзывает на пол,
Тем я сильней колеблюсь на стене,
Пугаясь лампы.

«Между Рождественской звездою…»

Между Рождественской звездою
И медною звездой Полынь —
Пространство белое, пустое,
Зимы скрипучие полы,

Где, становясь попеременно
Скамьями, кончиками век,
Автобусом, стеной тюремной,
На цыпочках проходит снег.

Он тонкий воздух надувает —
На прочной нитке бледный шар,
И, как перчатку, надевает
Дырявый вязаный бульвар.

Стучат сухих кустов суставы,
И ангел спит на проводах,
Тускнеет ледяное «Ave!»
На плотных смерзшихся губах.

И кажется, что смерть не скоро,
А вот она – белым-бела,
И узловатого собора
Дымится черная скала.

В каком еще краю, о Боже,
Так мало нужно для хвалы? —
Щепоть рассыпчатой пороши,
Растаявшей во рту халвы —

Чтобы не слышать визг полозьев
С горы, шипенье ржавых труб,
Шаги, – не чуять, заморозив
Жизнь, воспаленную, как зуб.

И хоть не вырвешь, не ускоришь,
Но вишню снежную сорви —
И все ж на миг стихает горечь
Дыханья, мысли и любви.

«С теченьем времени в зиме…»

С теченьем времени в зиме,
Как в женщине, все меньше тайны,
Всё резче росчерки теней
За вывернутыми кустами,
И каждый жгучий луч и звук
Ее слепит, крошит, калечит,
И, словно статуе без рук,
Грудь и лобок прикрыть ей нечем.

Сон

Ты мне снился всю ночь. Ты читал мне газету, и текст
Рос, как черный кустарник в одном из болотистых мест
Возле дома, – царапая горло торчащей строкой,
Извивалась бумага, шипела, жила под рукой.
А потом мы кружили дорогами сна, за столом,
Вкось накрытым потертой клеенкой, сидели, потом
Сон сложил нас так крепко – как будто бы книгу закрыл,
И под влажной обложкой твердели, ходили бугры,
Ты же, смяв меня в быстрой ладони – обрывком листа
(По прочтении сжечь!), – с виноватой улыбкою встал,
И оделся, и вышел. А я, подождав у дверей,
Вновь вишневой помадою мазала губы, темней
Подводила ресницы и брови, дорогами сна
За тобою кружила – и в этом, я знаю, вина.
И напрасно побьет меня стража, напрасно елей
С пальцев капает, – нет, аромат твоих лилий острей,
Ты, услышав шаги мои, верно, подумаешь: «Дождь!»
И наморщенный лоб беспокойной рукою потрешь,
Пожимая плечами: тому, кто наденет печаль
Камнем внутрь,
        точно перстень, – нужна ли на сердце печать?!
Даже если во сне, даже если мягка, будто шерсть,
Даже если близка,
        как рука,
                и крепка, будто смерть.

Две зимние элегии

1

Навешав круглых гроздьев невпопад
На сад, что располнел и опустился, —
Снег обвивает всё, как виноград,
Столбы и ветки превращая в тирсы.

Вот провода, провиснув, расцвели,
Оплыли окна, вывески припухли,
С косыми парусами корабли,
Поплывшие вдали, видны из кухни.

Живешь, в чужие сны вторгаясь. Жир
На сковородке тает. Сосны в белом
Стоят у входа. Неподвижный мир
Лежит, сраженный холодом, как хмелем.

Как будто жизнь ошибкою, грехи
Свои неся, – сюда шагнула шире,
Чем велено. И хочется стихи
Раздвинуть, словно стены или ширмы.

Гроздь ледяная, с крыши до земли,
В окне сверкнув, когда идешь из ванной, —
Крупнее той, что, сгорбясь, принесли
Лазутчики земли обетованной.

И разведен некрепкий голубой
Рай на стекле – фонтан, фазаны, лани.
И даже боль, входящая с тобой,
Любой случайной радости желанней.

2

Зима горит, как белая свеча,
И плоский силуэт ствола, собаки
Мне виден из-за твоего плеча,
И редкие снежинки из бумаги.

Дома. Соседа красное лицо.
Кто спит в метро, кто мочится в парадной.

С шипением и ревом колесо
Колотится на грязи шоколадной.

И кажется, уже границы нет
Между рукой, столом и краем рамы,
Откуда можно выйти, наконец.
И льется свет, густой, как кровь из раны.

Течет зеленоватое вино
В стакан, на пальцах намерзает ласка,
И обнажает грубое зерно
Холста
от рук отбившаяся краска.

Вдали, равно страшась наград и кар,
Смешней и меньше, чем чужое горе,
Душа летит, как Брейгелев Икар,
Вниз головой, роняя перья в море.

«Фасад в зеленой паутине…»

Фасад в зеленой паутине:
Сияют окна, вытек мозг.
И день святого Валентина,
Безумный, выкатил на мост.

Пойдем куда-нибудь сквозь стужу —
Не сразу же в подземный ад!
Повсюду с грацией верблюжьей
Двугорбые сугробы спят.

И на углах замерзли девки,
А на лотках – хурма, айва,
И город выставлен на древке
Невы, как вражья голова.

Сильней дыхание от ветра
Раскачивается внутри —
И сердце на незримой ветке
Багровым яблоком горит.

И солнце – ноющая ранка,
И церковь – облака двойник,
И мертвый снег, как падший ангел,
К забору крыльями приник.

«Все то, что можно выпить и потрогать…»

Все то, что можно выпить и потрогать,
Поцеловать и укусить, как локоть,
Как розу Ходасевича, – ступеньки,
Кричащие во сне, тарелки, деньги,
Вода из крана, сигаретный дым —
Все служит обладателям своим
Бесстрашным. Но тому, кто их боится,
Предметы мстят – ведро спешит пролиться,
Утюг дырявит скатерть, молоток —
Не будем уточнять, угрюмый ток
Бежит из проводов…
О, египтянин вещий
Был трижды прав, обожествляя вещи,
И не молитвой – мясом и травой
Кормил он бога с птичьей головой. —
Любую вещь умасли и задобри,
Чтоб швабра не раскачивалась коброй,
Нож не вцеплялся в палец, а сервиз,
Разбив стекло, нас ночью не загрыз:
Ведь мы – вечны, темны, высокомерны,
Они – нежны, обидчивы и смертны,
И мысль, у наших губ цветя огнем,
Их жжет в ночи и унижает днем.

«Когда-нибудь я подсмотрю твой сон…»

Когда-нибудь я подсмотрю твой сон,
Когда-нибудь и я в него войду,
Как в этот лес, что снегом занесен,
Где яркий свет и озеро во льду.

Когда-нибудь дыханья легкий пар
Расступится. Невидимый людьми,
В густых ветвях блеснет прозрачный шар,
Твой, на губах рождающийся мир.

Я буду белка в нем, я буду – мышь,
Я буду – скрип вороньего пера;
Ты не спугнешь меня, покуда спишь,
И он мне будет раем – до утра.

«Ты, отворивший мне речь, как отворяют кровь…»

Ты, отворивший мне речь, как отворяют кровь,
Делящий наспех со мною постель, но не кров,
Ты, во мне оставляющий маленький млечный путь —
Частицу тела, вечно куда-нибудь
Спешащий – закончить фразу, не опоздать к жене,
На почту, в аптеку, – знаешь, истина не в вине,
А в том, что когда тебе плохо, ты идешь не ко мне.
Ты, изредка мне подающий
испеченный в золе
Ожидания вечер, – знаешь, я сижу на игле,
Это же мой наркотик – голос, и форма рук,
И вкус твоих губ холодных – все это просто глюк,
А остальное – звезды, хруст по косточкам молотка,
Ломка – до новой дозы: взгляда, кивка, звонка.
Ты, отворивший мне речь, – зная: помочь нельзя, —
Хоть постой в изголовье, пока вытечет вся.

«Мне холодно, мой друг. Весна глядит зимой…»

Мне холодно, мой друг. Весна глядит зимой.
Хвостатая звезда стоит над головой,
И носится кругами ветер бесноватый,
Кусая плащ ночной, где вытерт колкий ворс,
И белыми стежками, вкривь и вкось,
Приляпано окно пылающей заплатой.

Мне холодно. Сосна на глиняной ноге
Качается, зажав ворону в кулаке.
По скользкому крыльцу мужик скребет лопатой.
На стеблях фонарей – погашены цветы,
И судорогой сведены мосты,
И волны, как рукав тюремный, полосаты.

Мне холодно. Висит комета надо мной,
Склонясь, как райский плод на ветке ледяной,
Не нужная земле, еще летящей рядом,
Неся свои сады. Влача соленый шлейф,
И я вот так уйду во тьму; не пожалев,
Наверное, и ты меня проводишь взглядом.

«Медленно льются из горл закопченных дымы…»

Медленно льются из горл закопченных дымы.
В трещинах – чернофигурная ваза зимы.
Слизанный ветками окон разбавленный морс.
Воздух дремучий. Собора мохнатого торс.
Запах конюшни: бензин или одеколон.
Стоптана площадь. Тупые копыта колонн.
Мойкой петляя, мелькая, стираясь в глуши,
Рваным узором по краю – прохожий спешит.
Лица погашены, неразличимы в снегу.
День, как треножник разбитый, лежит на боку.
Как темнота на пороге пустого жилья,
Слово замерзло во рту – и звенит о края.
Ночь козлоногая тычет в глаза бородой…
Спи, мое солнце, чтоб завтра взойти надо мной.

«Вздрогнет ли сотней рук куст или белый донник…»

Вздрогнет ли сотней рук куст или белый донник —
Спит, разметавшись, луг, спит и себя не помнит.
Вспыхнут ли облака, скрипнут ли коростели —
Вытянулась река в узкой своей постели —
Мелко дрожат ерши, кончики остролиста,
Но не слыхать души, дышащей слишком близко.
Вскрикнет ли из-под ног выскочивший булыжник —
Тих одинокий Бог в облаке неподвижном.
Всхлипнет ли мышь – лесной воздух колюч и сомкнут.
Спит и любимый мой – спит и меня не помнит.

«Неужели я встречу тот город, чье имя – судьба…»

Неужели я встречу тот город, чье имя – судьба,
С чуть замедленной речью и раскрашенной, как скорлупа
На пасхальном яйце, предзакатной водою – разбив
Ее клювами, церкви настороженно смотрят в залив.
Неужели я встречусь с этим городом: кровь его – грусть,
Прикасанье калечит – я разбить ненароком боюсь —
Словно мыслью о лодках – вещество отраженья в глазах.
Отзвук, тающий в легких. Потому что любовь – это страх.
Я стакана касаюсь, расплескав ледяное питье,
И петляет, как заяц, между ребрами сердце мое:
Невозможно прижаться, эти мокрые крылья согреть,
Ни малейшего шанса целовать их и не умереть,
Утолить эту жажду, подворотен замшелую тень,
Влажный камешек каждый я, не видя, ревную ко всем —
Эти стены нагие – от любви ли, от сырости дрожь,
Этих башен ростки – и шпиль, разрезавший воду, как нож.
Этот город – сирена, и мне песня отсюда слышна,
В его имени – пена, и венец, и вино, и вина.
Суждено их испить нам вопреки предсказанию: страсть —
Это власть над событьем и над жизнью, идущей не в масть.
Что ей смерть, что ей старость – гибкий мостик, лавровый листок,
Нам обоим осталось слишком мало – лишь моря глоток.
Ну так пусть он продлится – не сдержать ни ладьи, ни коня, —
Потому, как Улисса, не привязывай к мачте меня.

«Это Бог, податель наготы…»

Это Бог, податель наготы
Смертной, наравне с водой и хлебом,
Вожделенной жгучей пустоты,
Сжатой одеянием нелепым,

Мне тебя оставил до утра,
Как подарок из страны далекой,
Что по краю росчерком пера
Обведен, подернут дымкой легкой;

Вдруг попав из холода в тепло
(Изнутри пока что холоднее),
Ты – как запотевшее стекло:
Не пригубив, я уже пьянею.

Из цикла «Песочные часы»

5

Древние брезговали рифмой:
Варварская забава.
Вот и мне стихи с незаплетенной гривой,
Волнующиеся, как травы,
Нравятся – без седла себе скачешь,
Строчки выхватывая длинней, короче, —
Только целься точно, не наудачу,
Перемахивай кочки.
Как в любви, рискуешь заехать глубже,
Чем хотел, отпуская поводья,
Наугад, а главное, в ту же
Сторону, – вылетаешь, свободен,
В поле; дым залихватски воткнут
В чью-то крышу – перышком; даль же —
На ладони.
Екает сердце: вот он,
Долгожданный предел – а дальше?

9

Слабое, мягкое живет, – говорят китайцы, —
Жесткое обречено смерти.
А у нас говорят – где тонко, там и рвется.
Скажи, время твердое или нет на ощупь?
Гнется оно, когда ты меня не помнишь,
Или когда выбираем зелень на рынке,
Или когда засыпаем, не в силах укрыться?
Что до песочных часов, то неважно,
Где сколько осталось
И когда стеклянные небеса перевернутся:
Слышишь, в тонком их осином перехвате,
Между мной и тобой, туда и обратно
Течет узкая золотая цепочка,
Сковывающая наши запястья.
Это и есть время.

10

Рифма – женщина, примеряющая наряды,
В волосы втыкающая розу.
Она плещется в крови, как наяда,
И выныривает, когда не просят.
Рифма – колокол, отгоняющий злых духов
От души виновной, безлюдной,
Когда ветер в зарослях чертополоха
Плачет ночью холодной.
Рифма – серебряный колокольчик,
Поднимающий меня из гроба,
Когда ты приходишь, мой мальчик,
И, блеснув очками, целуешь в губы.
Рифма – тропинка с земляникой по краю,
То мелькнет, то исчезнет – так бьется сердце,
Я иду по ней – а куда, и сама не знаю,
Заговариваю зубы смерти.

11

Лес качается, не соблюдая такта,
Ветер ворошит опушку соболью,
Глядя в одну точку, шевеля подорожник, —
так вот,
Говоря со мной, ты говоришь с собою.
Всяк заслушается прихотливым ладом —
Это свирель, полуденный отдых фавна,
Ну а смерть моя, идущая рядом,
Заслушается и подавно.
– Сядь, – скажу ей, – сложи атрибуты,
Не спеши сужать вкруг меня петли,
Никуда не уйду, – но ради этой минуты,
Палец к губам прижав, я скажу: – Помедли!
Не коси мои волосы – они будут твоими,
И рубец возле кисти, и с летним отливом кожа, —
Все получишь, косточкой выплюнув – имя,
Но… – не мешай разговору… – потом… попозже…

12

Слово, слово!

Ты мелькнуло во сне и скрылось
В толпе масок на мосту Вздохов,
Не открыв лица, не ступив на бумагу.
Так мой милый уходит —
Подушка еще тепла, не потушена сигарета.
Постой, милый,
Сядем за стол – ах, как бьется посуда! —
Пополам —
Словно жизнь,
        словно голос
До и после встречи с тобою.
Не смотри на слезы —
Слово, слово опять скрылось,
Но походку его, но профиль
Я узнаю из тысяч. —
Значит, странствие продолжается,
Я иду – земля горит под ногами,
Шуршит песчаная струйка,
Не порвалась цепочка,
Не замолчал кузнечик,
Не рассыпался каперс…

Ива

Когда я клонюсь над тобой,
Как дерево над водой,
Разлитой на много миль,
Я забываю мир.

Я бросаю в поток
Книгу или платок,
Вниз! – говорю волосам,
Дальше ты знаешь сам.

Не убежит вода
Без моего следа,
Даже мне губ не смочив,
Об остальном – молчи.

Стынет (закрой глаза)
В тщетном стремленье за —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.